

**БОРИС
АКУНИН**

**НЕЧЕХОВСКАЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ**

*Короткие истории
о всяком разном*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А44

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Разработка макета — *Оксана Сергеева*

Дизайн переплета — *Екатерина Фerez*

В оформлении использованы иллюстрации,
предоставленные агентствами Fotodom, Fotobank, Shutterstock
и свободными источниками

Акунин, Борис.

А44 Нечеховская интеллигенция. Короткие истории о всяком разном / Борис Акунин. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 320 с.: ил.

ISBN 978-5-17-098909-6

Короткие истории от Бориса Акунина!

Короткие-то они короткие, но за каждой — удивительная судьба, полузабытый исторический факт, дней старинных анекдот или какая-нибудь «вечная» проблема.

Автор переносит читателя из эпохи в эпоху, из одной точки планеты в другую, и всюду интересно, и всюду есть над чем задуматься.

Правильно пользоваться книгой надлежит так: читаете миниатюру; внимательно рассматриваете картинки; обдумываете прочитанное и мысленно спорите с автором; двигаетесь дальше.

Приятного чтения и полезного размышления!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В.Акунин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Занимательное тирановедение

Однажды я заинтересовался непраздным для российского жителя вопросом: как это так получается, что в демократическом государстве вдруг устанавливается режим единоличной власти?

Решил начать с самого начала, то есть с античности. И увлекся историей Сиракуз, процветающего греческого полиса, где в V–IV веках до н.э. после периода народовластия (конечно, относительного — по современным понятиям это скорее была олигархия) наступила эпоха диктатуры. В течение нескольких десятилетий Сиракузами правили, один за другим, два колоритных тирана, отец и сын, оба Дионисии. Историки иногда путают их, приписывая поступки одного другому, но в сущности это не столь важно. Тиран он и есть тиран.

С сиракузской демократией произошло вот что.

Дионисий Старший начинал скромным клерком в общественной конторе, ведавшей безопасностью и обороной полиса. Поднялся по служебной лестнице до должности первого военачальника. Подстроил покушение на самого себя, после чего казна выделила ему средства на личную охрану в количестве шестисот человек. Он увеличил контингент до тысячи. Потихоньку рассадил своих охранников на все ключевые посты. А потом стал и диктатором — к тому времени в Сиракузах никто уже и пикнуть не смел. Правил Дионисий Старший до самой смерти, железной рукой. Но в хорошем настроении любил и подшутить над приближенными, как все нормальные тираны. Например, над фаворитом Дамоклом.

Не забывал тиран и о высоком. С журавлями в небо, правда, не поднимался и амфор со дна морского не доставал, но зато очень любил спорт, в особенности Олимпиады.

*А чё, прикольно.
Волосок чудом не оборвался...*

Посылал на состязания большие команды пышно разодетых спортсменов. Правда, никаких призов они, кажется, не получали. (Это обидное упущение потом поправил Дионисий Младший, первым догадавшийся перекупать знаменитых атлетов у других полисов.)

У отца же первая Олимпиада закончилась конфузом. Он отправил в Олимпию множество невероятно роскошных колесниц, велел поставить великолепные шатры и прислал актеров, которые громогласно продеklamировали поэму, сочиненную Дионисием. Однако стихи было столь отвратительны, что взыскательные греки их освистали, шатры

разломали, а затем вообще прогнали сиракузцев с игр, заявив, что посланцам жестокого тирана нечего делать на Олимпиаде.

Со стихами и вообще с литературой у Дионисия Старшего всё было серьезно. Он мнил себя великим поэтом и драматургом. Однажды стихотворец Филоксен позволил себе нелестно отозваться о сочинениях владыки. Тиран обиделся и велел отправить наглеца на каменоломни. Потом сменил гнев на милость, вернул поэта ко двору, почитал вслух свои новые творения и спросил: «Ну как?» «Отправь меня обратно на каменоломни», — грустно ответил Филоксен.

Согласно легенде, литература Дионисия и погубила. Однажды пришла весть, что его трагедия каким-то чудом получила премию, да не где-нибудь, а в самих Афинах (сам же, поди, членов жюри и подкупил). Лауреат так обрадовался, что упилился до смерти.

Есть, правда, и другая версия, согласно которой папу отравил сынок, которому тоже хотелось поправить.

Дионисий Младший был таким же самодуром, но в отличие от отца увлекался не литературой, а философией. Это к нему приехал осуществлять свою земную утопию о государе-философе мудрый, но наивный Платон.

Попытки преобразовать неограниченный абсолютизм в абсолютизм просвещенный закончились тем, что Платон еле унес из Сиракуз ноги, а Дионисий стал тиранствовать пуще прежнего. В конце концов граждане выгнали своего нацидлера и он отправился в изгнание.

Финал его жизни красноречив и по-своему даже трогателен: Дионисий Младший устроился в Коринфе обыкновенным учителем. Добрый Цицерон высказывает предположение, что бывший диктатор не мог обходиться без власти и должен был тиранствовать хотя бы над детишками.

Ну и как, скажите мне, можно не любить историю?

Платон мечет бисулфур перед правителем

Две гениальности

В свое время мы с Петром Вайлем — а это был один из самых умных людей, которых мне довелось знать, — много спорили о природе гениальности. Так и не договорились.

У Вайля была формула, которая ему очень нравилась: гений — это талант, помноженный на масштаб личности. Думаю, Петю попутала дружба с Иосифом Бродским, который был и талант, и личность.

Мне же кажется, что гений — нечто совсем иное. Конечно, когда одаренный человек оказывается еще и, извините за изжеванное выражение, «человеком с большой буквы», это майский день, именины сердца. Чехов там, Лев Толстой, Марк Аврелий (у каждого из нас свои любимцы).

Но история знает сколько угодно случаев, когда гениальность доставалась людям, которые во всех остальных отношениях были скверноватыми, или ужасными, или того хуже — ничтожными.

Все обожают цитировать письмо Пушкина Вяземскому про угерянные записки Байрона: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы, — иначе».

К сожалению, мал и мерзок именно ТАК. И даже хуже, потому что, ведя себя ничтожно, гений роняет в грязь королевскую мантию, которой его наградили судьба или Бог (если верите в Бога).

Байрона-то молодому Пушкину защищать было легко. Хромой лорд грешил и хулиганил с размахом, возведя скандал в ранг актуального искусства. Когда гений — злодей, это

еще можно перенести. Демоническое начало, аравийский ураган и всё такое. Гораздо тяжелее смириться с тем, что гений – мелкая, недостойная личность. А это ох как часто бывало.

(Здесь у меня первоначально был абзац, где я перечислял разных выдающихся писателей, которые, по воспоминаниям современников, были дрянными людьми, но потом, по соображениям корпоративной этики, я этот пассаж убрал. Думаю, вы сами найдете примеры, если пороеетесь в памяти. Я-то ведь о другом.)

Мне кажется, все дело в том, что люди путают два принципиально разных вида гениальности: профессиональную и человеческую.

Насчет первой у меня есть собственное предположение, которое я изложил устами леди Эстер в моем романе «Азель» и устами монашки Пелагии в романе «Белый бульдог». Если коротко: я полагаю, что в каждом человеке, абсолютно каждом, есть росток гениальности, просто наше несовершенное общество не умеет эту потенцию распознать и выпестовать. А если бы все школы земли были устроены по

*В моих эстернатах в детей живо бы гениальность
вколотили*

принципу эстернатов, то через некоторое время планету заселили бы сплошные гении. (Я действительно так думаю, без дураков.)

С гениальностью второго вида дело обстоит намного сложнее. Я имею в виду абсолютно прекрасных по душевным качествам людей, которые своим существованием согревают и освещают окружающий мир. Если вы ни разу с такими в жизни не сталкивались, искренне вам сочувствую.

Обычно такой человек виден лишь немногим, а большой мир про него знать не знает. Если какой-то добрый самарянин по случайности и попадет на скрижали, то мы даже имени его не узнаем. Так в Евангелии и останется: «Самарянин же некто».

«Профессиональному» гению почти всегда сопутствует слава, хоть бы и посмертная; «гению человечности» — редко, практически никогда. И ни в каком эстернате такого гения, боюсь, не вырастишь. Он просто рождается, и всё. Поэтому я думаю, что его ценность много выше. «Профессиональных» гениев вокруг море. Включите телевизор, войдите в Интернет, посмотрите на афиши — в глазах зарябит: актеры, музыканты, ученые, нобелевские лауреаты. А вот гениев второго вида за свою уже не короткую жизнь я встретил только трех, ну, может быть, четырех, и каждый сделал для меня — просто фактом своего существования — больше, чем (with all respect) все Достоевские и Чайковские вместе взятые.

Про вытекшее сакэ и сбежавшую кошку

Продолжаю свою доморощенную штудию природы гениальности.

Хочу обратить ваше внимание еще на одну загадку. Есть талантливые художники (давайте сосредоточимся на гениях от искусства, с ними проще), которые с возрастом портятся, а есть такие, которые к старости становятся только лучше. В чем секрет?

Не могу передать, до чего меня расстраивает, когда режиссер, снявший мои любимые фильмы, или писатель, очень многое для меня значивший, старея, начинают производить всякую постыдную бяку.

Я немало ломал голову над этим досадным явлением и вот к какому выводу пришел (прошу прощения, если изобретаю велосипед, как это со мной иногда случается). Мне кажется, что здесь, так же как с гениальностью, нужно различать два разных вида таланта.

Очень часто яркий расцвет креативности совпадает с физиологическим расцветом. Такой талант можно назвать «гормональным». Это цветок пышный и красивый. То, на что не хватает ума или вкуса, художник запросто добирает чутьем, энергетикой, «химией», обаянием (бывает, что и отрицательным). Но в пожилом возрасте гормоны буйствовать перестают, верхнее чутье ослабевает и остаются только технические навыки, которые, конечно, не пропьешь, однако от них и не захмелеешь. И выясняется, что вчерашний кумир неумен, нравственно несимпатичен, скучно тиражирует былые находки или же пускается в эксперименты, за которыми тягостно наблюдать. «Гормональный» гений очень похож на ослепительную красавицу, вся прелесть которой заключается во внешности и секс-магии. Старушки

Депрессивная картина

Юный гений и просто мсье Рембо

этого сорта часто являют собой депрессивную картину, и когда используют средства, которые когда-то безошибочно срабатывали, выходит только хуже.

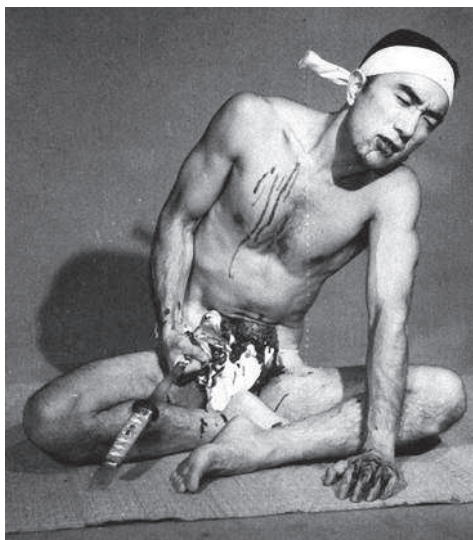
Для того чтобы талантливый художник сохранил свою силу, необходимо, чтобы она опиралась не только на тестостерон, но еще на разум и сердце. Такой режиссер снимет свой лучший фильм и на седьмом десятке, как Ингмар Бергман, и даже на восьмом, как Акира Курогава. А если почувствует, что устал, то вовремя остановится, поскольку хватит ума и такта. Вершины мастерства Лев Толстой, на мой взгляд, достиг в повести «Хаджи-Мурат» (1904), и всё, ушел из большого спорта.

Среди «гормональных» гениев и талантов тоже встречаются люди, столь требовательно относящиеся к своему дару, что, почувствовав, как он ослабевает, навсегда уходят из искусства. Например, Артю́р Рембо. Все свои стихотворения, производившие революцию в поэ-

зии, он написал до двадцати лет, а потом сменил род занятий и до самой смерти больше не написал ни строчки. Есть такая жестокая разновидность гениальности — когда талант ярко вспыхивает в пору пубертата, а потом бесследно пропадает.

Или вот Юкио Мисима. Я много лет занимался этим писателем и очень высоко ценю его литературное дарование.

Но он не был умен, вкус его часто скатывался в вульгарность, про моральные качества даже и говорить не хочу (на его совести жизнь молодого парня, которого писатель утащил за собой на тот свет). Но Мисима относился к писательству в высшей степени серьезно — как к Пути. Я уверен, что он ушел из жизни в 45 лет, потому что почувствовал: кувшин треснул, сакэ вытекло. Именно такое впечатление на меня производит его финальная тетралогия, которую он замыслил как главный литературный шедевр всех времен и народов: очень красивый, затейливо разукрашенный сосуд, но пустой. Писатель закончил

К сожалению, только это про него и помнят. (Не пугайтесь, тут Мисима пока тренируется)

работу над рукописью и в тот же день ушел из жизни, устроив шумный хепенинг — тоже своего рода художественное произведение, оказавшееся поэффектнее тетралогии.

Если почувствовал, что твое сакэ вытекло, делать характеры не нужно. На свете столько всяких интересных и достойных занятий помимо творчества. Только не лови черную кошку в помещении, где ее больше нет, и уж во всяком случае не мяукай за нее — все равно никого, а главное себя, не обманешь.

Англия – щедрая душа

После поражения первой русской революции множество политэмигрантов нашли пристанище в Лондоне, потому что английские законы гарантировали защиту людям, которых преследуют за убеждения.

Но у некоторых политэмигрантов убеждения были опасными, привычки экзотическими, а представления о морали сугубо классовыми. Эсэры, большевики и в особенности анархисты имели обыкновение пополнять свои партийные кассы за счет «эксов», потому что собственность они считали кражей и руководствовались этическим кодексом Нечаева: «Нравственно всё, что способствует торжеству революции».

Либеральным принципам Британии предстояло выдержать тяжкое испытание.

Шайка (если угодно – группа пламенных бойцов революции) из российской Риги решила произвести экспроприацию драгоценностей у одного уайтчепельского ювелира. Темной ночью 16 декабря 1910 года, когда кварталу полагалось крепко почивать, взломщики начали сверлить стену. На их беду квартал был еврейский, а ночь субботняя, поэтому никто не спал и встревоженные подозрительным шумом соседи вызвали полицию.

Она немедленно приехала, застала злоумышленников на месте преступления, а дальше последовал big surprise. Вместо того чтобы сдаться или, на худой конец, смыться, наши соотечественники повели себя так же, как в подобной ситуации поступили бы на родине: достали «маузеры» и открыли пальбу.

Надо сказать, что лондонские констебли той поры не носили огнестрельного оружия – за ненадобностью. Мест-

ному преступнику не пришло бы в голову стрелять в бобби. Поэтому два сержанта и констебль были убиты и несколько полицейских ранены, а удивительные грабители унесли ноги.

Вся Англия пришла в ужас от такого неслыханного злодеяния. Это и поныне самое кровавое побоище в анналах британской полиции.

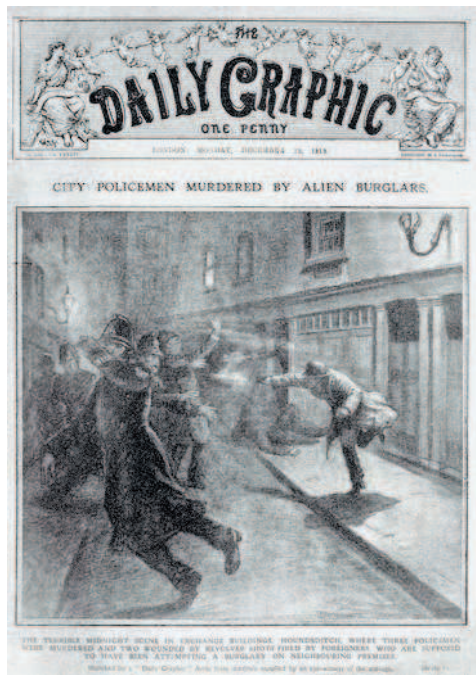
По всему Ист-Энду, где в ту пору обитало множество эмигрантов, начался грандиозный шмон. Через некоторое время выяснилось, что банда российская и состоит из «литовцев» (так английские газеты с обычным пренебрежением к племенным различиям между дикарями назвали латышей), русских и евреев.

Какой-то информатор сообщил, что их логово находится в доме на Сидней-стрит.

3 января 1911 года развернулось сражение, которое у англичан вошло в историю под названием «Осада Сидней-стрит» и сравнивалось современниками с осадой Sebastopol (а у нас оно скорее вызовет ассоциацию с «Боем за избушку лесника»).

Пятьдесят полицейских, на сей раз вооруженных до зубов, окружили дом и стали стучать в дверь. Им, how strange, и не подумали открывать. Тогда они вызвали подкрепление из еще двухсот констеблей. Начали кидать в окно камешки (честное слово). В ответ из дома открыли огонь на поражение.

Войско отступило, решив, что силы неравны. К утру прибыли еще 750 полицейских, шотландские гвардейцы с пулеметом и двадцать один гвардейский снайпер.

Черчилль в цилиндре, который вскоре продырявит шальная пуля

Началась жуткая пальба, продолжавшаяся много часов. Предполагалось, что в доме засело 30 или 40 страшных русских отморозков.

Прибыл министр внутренних дел Уинстон Черчилль.

Министр затребовал взвод саперов и два полевых орудия.

Дом наконец загорелся, крыша обвалилась. Осада была завершена.

Внутри нашли всего два трупа (в них опознали русского еврея Якова Фогеля и латыша Фрица Сварса), а больше там никого не было. Для англичан осталось загадкой, какого черта они не сдались. (Я думаю, боевики знали, что их выдают в Россию, а там быстренько отправят на виселицу за старые дела, поэтому предпочли красную смерть на миру.)

Потом был судебный процесс, где на скамье подсудимых оказались 23-летняя Nina Vassilieve и Якоб Петерс (впоследствии знаменитый чекист). Смешные англичане оправдали их за недостатком улик.

В скандализированной русским размахом Англии развернулось движение за ужесточение иммиграционного законодательства.

К черту таких борцов за свободу, писали газеты, пусть у себя дома безобразничают. Но возобладала точка зрения, которую сформулировал член парламента Джосайя Веджвуд: «Очень просто обосновать подобные меры, но они принизят качество нашей нации... Человеческие жертвы менее страшны, чем гибель идей и измена английским традициям».

Осада Сидней-стрит

Многие эмигранты последующих поколений, в том числе российские, должны быть благодарны британцам за приверженность прекраснодушным идеям и традициям.

А британцы должны быть благодарны нам за то, что начиная с 1911 года у лондонской полиции появилось право ношения огнестрельного оружия.

